

Р2 ЯР

Б24

Ирина Баринова

**Тайна
красоты**

BB
≡

Первая поэтическая книга Ирины Бариновой, вышедшая несколько лет назад, получила добрые отзывы критики, привлекла внимание читателей. С тех пор лирический голос поэтессы окреп, обогатился новыми незаемными интонациями.

Новый поэтический сборник И. Бариновой отличается простотой, доверительностью, жизненностью избранной темы.

86
105

Р2-91
Б24

ИРИНА
БАРИНОВА

**Тайна
красоты**

Стихи

Ярославская городская
централизованная система
библиотек

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

41187-3

ПЕСНЯ

*Памяти отца
Евгения Сергеевича Баринова*

Улыбчивый, черноволосый,
Из тех, что и жнец, и игрец,
«Я трогаю русые косы», —
Поет молодой мой отец.

И быстрые женские слезы
Туманят внимательный взгляд.
«Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят».

Шумят над могилою братской,
В Хатыне, сгоревшей дотла,
А та сквозь солдатскую каску
Всесильно и нежно вошла.

Нехитрая песенка эта,
Но в ней так прекрасно слышны
И радость весеннего света,
И горькая память войны.

«Я трогаю русые косы...»
...То время давно позади.
Но стоит слышать «Березы»,
Как сердце сожмется в груди.

Я скоро отца стану старше,
Но память не знает преград.
Все так же над нами, все так же
Родные березы шумят.

Старик восьмидесяти лет
Покрасил дом в зеленый цвет, —
И даже в хмурости дождей
С тем домом стало веселей.

Сказал старик: «Теперь помру.
Теперь не стыдно помереть...»

Он умер рано поутру.
А дом остался зеленеть.

ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ

Как гулянье в деревушке —
Ох, разноголосое!
И поет свои частушки
Девушка курносая:
 «Разлюбила тракториста —
 Он с другой катается.
 Полюбила гармониста —
 Может, и сыграется?»
Пляшут Коли, Мани, Тани —
Аж дрожат завалинки!

...А на завтра пусто станет
В деревушке маленькой.
Позабитая гармошка
Под накидкой красненькой
Притулится у окошка
До другого праздника.

АХ, НАСТАСЬЯ...

Ах, Настасья, ты, Настасья,
Сладок, нет ли муж чужой?
У ворованного счастья
Вкус отчаянный, хмельной.

Губы зрелые медовы,
Руки белые — вразлет.
Ненасытно и бедово
Настя мед тягучий пьет.

Ничего, что пьет украдкой,
Лучше, что ль, когда одна?
А семья его — в порядке,
Мужем хвалится жена.

Не судите, злые люди,
Бабий век к концу идет,
От жены-то не убудет —
Насте чуть перепадет.

Ах, Настасья, ты, Настасья,
Успокаивай себя.
Слишком долго ты без счастья,
Слишком долго — не любя.

А теперь-то — ох, как сладко,
Ох, как жарко — не застынь.
...Мед, что Настя пьет украдкой,
Превращается в полынь.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

На землю падал снег, не уставая,
Ложился на деревья и дома.
Не знал, наверно, скоро время маю,
Не знал, должно быть, что прошла зима.

Снег был таким же чистым, первозданным,
Как в декабре. И чудилось ему,
Что он явился гостем долгожданным.
Хотя в апреле был он ни к чему.

БАБУШКИНЫ РУКИ

*Бабушке моей Шведовой
Наталье Константиновне*

Их не сравнить с крылами лебедиными
И с мраморным ваяньем не сравнить.
Они темны, иссечены морщинами,
Они привыкли штопать, стряпать, шить.

С благоговеньем их не целовали,
Не восхищались красотой их,
Они и в годы лучшие не знали
Ни перстней, ни браслетов дорогих.

Но нет на свете ничего надежней,
Чем этих рук святая доброта.
И было им не до сочувствий ложных.
И отступали горе и беда.

Чужим и близким облегчали муки,
Всю жизнь добро творили, как могли...
И я целую бабушкины руки
В признательном поклоне до земли.

НАКАНУНЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ

За тридцать лет своих
Пережила немало,
Три заповеди выполнив сполна:
Я сына родила,
И книгу написала,
И посадила липу у окна.
Но липа не сулит
Медовый запах людям —
Не отродилась и не расцвела...
И книгу, может быть,
Никто читать не будет...
...Но сына я для счастья родила!

ТАЙНА КРАСОТЫ

Худа, веснушчата, курноса,
И ничего — от женской стати.
Среди подруг, красивых, рослых,
Она как будто и некстати.

Но самый умный, лучший самый,
Ежеминутно, ежечасно
Твердил, неверящей, упрямо:
«Ты так прекрасна, так прекрасна».

Ему поверила однажды.
Улыбкой расцветя счастливой,
И взглядом, и движеньем каждым
Открылась всем такой красивой.

Явилось столько в ней — откуда? —
Тепла, и нежности, и света.
Дивились люди: «Что за чудо?»
А ведь и вправду чудо это.

Вошла она, и сразу посветлело,
И даже лысый седоусый дед
Воскликнул, улыбаясь ошалело:
«О, где мой хотя бы сорок лет!»

Две остановки ехали в трамвае
Та женщина со взглядом озорным,
Счастливая, весенне-молодая,
Улыбчивая, волосы, как дым.

От взглядов еще больше хорошея,
Она дарила радостно в ответ
И красотой, и юностью своею
Тепло и нежность, доброту и свет.

Всего две остановки — капля, малость.
Входили люди.
Ехал кто куда.
Она сошла.
А красота осталась.
Бывает же такое иногда.

Сквозь дым, бегущий
из трубы железной,
просвечивает шар багряный солнца,
которое, лениво поднимаясь,
на серебро деревьев и кустов
наносит позолоту...

Хоть сизый дым
поднялся раньше солнца,
но исчезает он в бездонном небе,
а солнце разгорается все ярче,
и уж ничто закрыть его не может,
и только лишь высокая труба
в него вонзается,
и кажется, что солнце —
не солнце вовсе,
а фонарь огромный,
висящий на столбе.

Вошел в квартиру, как чужой,
Не сняв плаща, застыл у двери:
«Прости... Я ухожу к другой...
Люблю... Сначала сам не верил...»

Он жалко поднял воротник,
Как защищаясь от ненастья,
И ждал, что будут слезы, крик,
А услышал: «Какое счастье...

И у меня давно другой,
Не знала, как тебе признаться.
Живи спокойно, дорогой,
Теперь нам нечего бояться».

...Он шел, уставя в землю взгляд,
Душила горечь униженья,
И почему-то был не рад
Желанному освобождению.

Ведь он все время верил той,
Что ежедневно предавала...
...В квартире темной и глухой
Так страшно женщина рыдала.

Я — дерево, выращенное тобой,
Спасу тебя от зноя и от града,
Огнем и пеплом стану, если надо,
Я — дерево, выращенное тобой.

Я — песня, сотворенная тобой,
Звучать готова я с утра до ночи,
Или замру, коль этого захочешь.
Я — песня, сотворенная тобой.

Я — птица, прирученная тобой,
В неволе быть мне тяжело и отратно,
А улечу, так возвращусь обратно.
Я — птица, прирученная тобой.

У той старушки мужа нет и сына —
Один лишь черный одряхлевший кот
Да жирная нелепая гусыня,
Которая яиц-то не несет.

Кого винить, коль в жизни так случилось:
С котом, с гусыней век свой доживать.
Что было — сплыло, помнилось — забылось,
Что не сбылось, тому и не бывать.

В домишке ветхом, как сама, и ныне
Старушка неприметная живет.
Живет, пока бьет крыльями гусыня,
Пока мяучит желтоглазый кот.

ТОРГОВКА

С утра на рынке с огурцами, с редькой,
Торгуется: «Дешевле не отдам».
У ней и покупают очень редко —
Цена-то дорогая огурцам.

Все распродав, расходятся торговки,
Она сидит, ссутулившись, одна,
И отдает и редьку по дешевке,
И огурцы — какая им цена?

Потом бредет понуро, неохотно,
В свой безотрадный, бесприютный дом,
Где в черных рамках маленькие фото
Тускнеют над обеденным столом.

Пьет поздний чай вприкуску с рафинадом —
Нехитрый ужин. Он же и обед.
Скорее спать. Ведь завтра снова надо
Вставать чуть свет.

Ты скажешь, что писем тебе не писала —
Дождем я лилась. Разве этого мало?
И ласковой капелькой каждое слово
Коснуться души твоей было готово.
Шептала тебе я, то громче, то тише.
Не веришь? Ты спал. Моих слов не услышал.

Пруд, зачем ты зарябился,
Взволновался, потемнел?
Ветер, думаешь, влюбился —
Потому и прилетел?

Ветру ты совсем не нужен,
Прилетал он просто так,
Он теперь повсюду кружит.
Что подумал ты, чудака?

Пруд, зеленый и глубокий,
Берега вокруг — взгляни,
С сочной свежей осокой.
Навсегда с тобой они.

Я по радуге-мосту
Побежала за водой,
Я водицы принесу,
Чтоб хватило нам с тобой.

Только мир совсем не прост —
Вдруг исчез цветистый мост.
Я воды не донесу.
Ты — на небе. Я — внизу.

Мы увидимся нынче случайно,
Как последний увиделся дождь
С первым снегом, неожиданным и тайным.
Ты чуть слышно ко мне подойдешь,
И мы вместе с тобою проводим
Дождь, который был с нами весной...
Вот и осень уже на исходе.
...А морозы встречать мне одной.

Мне снятся нерожденные стихи,
Они, как неродившиеся дети,
Они, как непрощенные грехи,
И я одна всю жизнь за них в ответе.

Так что же им — смирение и покой
Иль суета родиться помешала?
Ведь не напишет — знаю я — другой
Стихов, которых я не написала.

Зарницею надежда впереди:
«Я напишу, я напишу такие!»
Но глухо сердце падает в груди:
«Да, напишу, наверно, но другие...»

А те — непозабываемые грехи.
А те — невосполнимая утрата.
Мне снятся нерожденные стихи,
Я перед ними очень виновата.

Ты не глядишь на мой дом,
когда проходишь мимо,
не то бы ты заметил
сквозь редкий забор мое окно,
из которого я слежу за тобой,
прячась за занавеской.

Ты не глядишь на мое окно,
когда проходишь мимо,
не то бы ты заметил
сквозь прозрачную занавеску мои
глаза,
которые жаждут и боятся
твоего взгляда.

Ты не глядишь в мои глаза,
когда проходишь мимо,
не то бы ты заметил
сквозь опущенные ресницы
мою робкую надежду на то,
что ты не просто так, не случайно
взглянул на меня.

ГОСТИ

Пробуждалась деревня
За тускневшим окном.
Мать лепила пельмени —
Дочь приедет с зятьком.
И, закончив уборку,
Вымыв тщательно пол,
Постелила скатерку
На обеденный стол.
И кругом оглядела —
Все ли ладно у ней?
У окошка присела,
Поджидая гостей.
Едут! — сердце кольнуло,
И вздохнуть-то невмочь.
...Вот уже к ней прильнула
Раздобревшая дочь.
Приложился учтиво
К ручке тещиной зять.
Засмеялась счастливо,
Долго ждавшая мать.
«Наконец... Дождалася...
Вот и праздник пришел.
Дочка... Люсенька, Вася,
Ну, садитесь за стол».
Суетилась: «Пельмени
И вино вот свое...»
В этот час кто в деревне
Был счастливей ее?
Не сиделось на стуле
За обильным столом...
...На денек заглянули
В отпуск дочка с зятьком.

Дружественное товарищество
ПЕЛЬМЕНИ ИЛИ ПЕЛЬМЕННИКИ
СИБИРСКОЕ

ФИГУРИСТКА

Королева ледового бала,
Невесома, изящна, стройна.
...Опустившая плечи устало,
Некрасивая — тоже она?

Да, устала, и поет колено,
И опять недовольна собой,
И уже не семнадцать, и смена,
Словно поросль, взошла за спиной.

Но под звуки мелодии чистой,
Отвергая сомнения и боль,
Фигуристка с улыбкой лучистой
Принимает решительно бой.

И усталости как не бывало, —
Небываемый праздничный вид.
Королева ледового бала
Над льдом невысоко парит

Наши встречи, словно снег в апреле,
Наши встречи, как декабрьский дождь.
Песни — те, что вовремя не спели,
Уж теперь, наверно, не споешь.

Слишком быстро тает снег в апреле,
Леденсет дождик в декабре...
Наши встречи просто не успели
Стать росой на утренней заре.

ИЗ НЕОТПРАВЛЕННОГО ПИСЬМА

Вы мне не обещали ничего,
Любви до гроба Вы мне не сулили,
Страдающего сердца моего
Надеждами на счастье не будили.

Но были снисходительными Вы
К моей любви беспомощной и детской.
А я, случайно за буйки заплыв,
Отбросив страх, вдруг стала взрослой,
дерзкой.

Внезапно я увидела, прозрев,
Что Вами мне дана такая малость.
Любовь и счастье мнимое презрев,
И, взбунтовавшись, я одна осталась.

И услышала я из чуждых уст
То, что от Вас услышать так хотела.
Но мир был пуст. По-прежнему был пуст.
И вновь, но по-другому, я прозрела.

Слова и обещания смешны,
Что мне они? Не более, чем звуки.
А мне пужны не звуки. Мне пужны
Ваш голос. Ваши мысли. Ваши руки.

Памяти Вали Барулиной

Захлестнуло петлей отчаянья
И певочь и дышать и жить.
Я обидела друга печально,
Не успел он меня простить.

Сердце боль теснит неизбежная,
Мне никто не может помочь.
В сны мои походкой неспешною
Друг приходит каждую ночь.

Он тревожит меня молчанием,
Умоляю его простить.
Я обидела друга печально...
Как теперь непрощенной жить?

Я, наверно, тревоги не скрою,
Когда ты постучишься в мой дом.
Побежденным придешь — не героем,
Коли вспомнить решил о былом.

Не тверди о неведомых силах,
Не тверди о превратной судьбе.
Не случайно зашел ты, мой милый,
Знать, не сладко живется тебе?

Ты уйдешь от меня навсегда —
Что я значу?
Но в реке зарябится вода,
Как заплачет.

На деревьях пожухнет листва —
Затоскует.
Виновато прошепчешь слова
Про другую,

Про любовь, про напасть, про беду,
Про прощенье.
...Не дождешься! Сама я уйду
Во спасенье.

Ни упрёка не брошу, прозрев,
Ни угрозы.
...Тихо падают листья с дерев,
Словно слезы.

«Я ВСЕ РАВНО ВЕРНУСЬ»

На прощание обнял
милую свою маму
и, за улыбкой спрятав
набежавшую грусть,
тихо сказал: «Не надо,
не надо плакать, родная.
Чтобы со мной ни стало,
я все равно вернусь».

В первом бою убит был
мальчик двадцатилетний.
От горя мать поседела.
Но годы проходят пусть,
словно вчера то было,
слышит шепот последний:
«Чтобы со мной ни стало,
я все равно вернусь».

Весна бежит за весной.
Проходит за летом лето.
Несет постаревшая женщина
печальной памяти груз.
И ждет, что все-таки сын ее
Выполнит клятву эту:
«Чтобы со мной ни стало,
я все равно вернусь».

НЕ ТУШИ

Костер, что я зажгла,
Прошу тебя — не тронь.
Согреть тебя он, знаю, не сумеет.
Но все же пусть горит,
И пусть его огонь
Другого защитит и обогреет.

Быть может, засиять
Сумеет мой костер.
Так, что отступят темнота и стужа.
Радушен и горяч
С тех самых будет пор,
Поняв, что наконец и он кому-то нужен.

...Ты не туши костер,
Который я зажгла.

Когда-нибудь
судьба сведет друг с другом,
чтоб в горести минувшей помолчать.
И, как всегда,
мою возьмешь ты руку,
чтобы ее, склонясь, поцеловать.
И, растерявшись,
спросишь через силу:
— Ждала меня?
— Наверное, ждала...
— Простила?
— Ну, конечно же, простила.

Легко прощать,
когда любовь прошла.

Сносили дом.
Не дом — избушку
На курьих ножках.
Прижав к груди своей,
Старушка
Держала кошку.
И плакала.
Дрожали руки —
Нет с ними сладу.
А тракторист ворчал:
«Старухи!
Чего им надо?
Въезжайте в новый дом,
Бабули!
Наплюйте на рухлядь».

Сидела старая на стуле.
Дрожали руки.

НА МОГИЛЕ А. П. КЕРН

Могила, как могила, вроде,
Была б приметною едва,
Когда на скромном бы надгробье
Не жили вечные слова:
«Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты...»

Здесь и зимой лежат весенне,
Неувядаемо цветы.

И снова песня —
Та, что ты придумал.
Душа воскресла,
Свежий ветер дунул
Цветок раскрылся.
Старой доброй сказкой
Мне мир явился,
И лучист, и ласков.
Как много света!
Солнышка касанье...
Ведь в песне этой
Твое дыханье.

АКТРИСА ЭПИЗОДА

Она была актрисой эпизода,
Невидной, неизвестной, заменимой.
И таяли надежды год от года
Сыграть Джульетту, Софью или Нину.

Ни красоты, ни режиссера-мужа,
Ни пробивной, берущей штурмом, силы.
Ей даже звучный голос был не нужен —
На сцену бессловесной выходила.

Она уйти пыталась из театра,
Уйти, обиде собственной в угоду.
Но возвратилась все-таки обратно.
Но оказалась мнимой свобода.

Как ненавистна ей своя работа.
И как любима, как необходима.
..Она была актрисой эпизода,
Невидной, неизвестной, заменимой.

Чужая женщина смотрела
На профиль, мне одной знакомый.
Чужая женщина ласкала
Колечки тонкие волос.
А я уже давно не пела
И не хозяйничала дома,
И у меня осталось мало
Улыбки, нежности и слез.

Чужая женщина смеялась,
В свою удачу веря свято.
Чужая женщина рыдала
В предошущенни утрат.
А в том, что я одна осталась,
Она была не виновата.
А в том, что слез уже не стало,
Был даже ты не виноват.

СОЛНЦЕ В ДЕКАБРЕ

В декабрьском солнце мало толку,
Лучи на ласку скуповаты,
Они явились ненадолго
И так не греют, как когда-то.

Не рвется нежность их наружу.
Но разве скроешь радость света?
Улыбка солнечная в стужу
Нужнее, может быть, чем летом.

Ведь доброта сродни таланту
(Теперь я это ясно вижу):
Расцвел чистейшим бриллиантом
Снег, что был хмур и неподвижен.

И в тридцать так же,
как и в двадцать лет
я чуда жду
и верю, верю, верю:
однажды счастье
смело распахнет
мой, всегда
незапертые двери.

И радуют
и солнце, и дожди.
...Но старые
одежки не примерю:
былая безмятежность
позади,
предчувствую разлуки
и потери.

И потому
болит душа, болит,
как в двадцать лет
ни разу не болела,
коль отходила
легче от обид,
охотнее
и плакала, и цела.

Сейчас не так.
Боюсь грядущих бед.
Пугают неизбежные утраты.
...Но счастья жду я,
Как и в двадцать лет,
и в чудо верю
так же, как когда-то.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА

Наташа, Таша, Натали,
Наталья Гончарова,
Душа у Пушкина болит,
Скажите хоть полслова.
Неужто этот странный взгляд,
Который ускользает
(Иль на любимых так глядят?),
Блаженство обещает?
Наташа, Таша, Натали,

Ах, Пушкина Наталья,
Какие силы вас свели
И напрочно связали?
Шесть лет отпущено судьбой —
Не рано ль жизнь итожить?
А если б вверился другой,
Быть может, дольше б прожил?

Наташа, Таша, Натали,
Наталья Николаевна
От света шумного вдали
Живет на Полотняном.
Мать и вдова. Вдова и мать.
Сама почти девчонка.
Ее уже не величать
Расейским словом «женка».

Наташа, Таша, Натали,
Наталья Ланская.
Спокойный и прекрасный лик
Другого взор ласкает...
Поэт опальный... Генерал...
А со вторым полегче?
...Наталья, окончен бал.
Погасли тихо свечи.

Федору Завьялову

Сына мать родила
в декабре сорок первого года,
не успев стать женою,
вдовою успевшая стать.
Юный сверстник ее,
рядовой пулеметного взвода,
стал посмертно отцом —
не успел он про сына узнать.

Раньше срока рожден,
рос мальчишка болезненным, хилым,
взяться жиру — откуда
на скудных военных хлебах?
Выбиваясь из сил,
его мать молодая растила,
с каждым днем узнавая
любимого в детских чертах.

...Время мчится вперед.
В лихолетье рожденные дети
Провожают в солдаты
сынов повзрослевших своих,
и глядят тем вослед
их ровесники — юные деды,
и тревога с надеждой
во взглядах туманится их.

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ

I

Шли по озябшим листьям мокрым
С тобой вдвоем. С тобой вдвоем.
Осенний лик уныло-блеклый
Уже проглядывал во всем.
И разговоры были лишни.
Но вспоминала я потом
И этот путь, совсем неближний,
И мой нахохлившийся дом.
Хоть счастье было и недолгим,
Но было! Было: ветер с Волги,
Швырявший под ноги листья,
Дождя холодного иголки,
И солнца редкого осколки,
И всюду, всюду — только ты.

II

Не надо, осень, красоты,
Ты — беспощадность и бессилье.
...Как будто сломленные крылья,
На землю падают листья.
И горше боль, темней печаль
И вечны, кажется, утраты.
А я в одном лишь виновата,
Что мне поры цветенья жаль.

...Ронявший под ноги листья
Из разноцветного букета,
Малыш, проживший третье лето,
Смотрел с трехлетней высоты.
И осень видел он иной —
Смотрел веселыми глазами;

Приметы тленья исчезали,
Мир оставался золотой.
Был золотисто-жгуч букет,
И золотом сверкнула Волга,
Когда сквозь тучи ненадолго
Пробился солнца робкий свет.
Малыш восторга не таил,
Глаза смеялись озорные.
...Кружились листья золотые,
На землю падая без сил.

III

А одинокие кусты
Все ждали, беззащитно голы,
Пока томительно и долго
Снежить не станет с высоты.
Они поймают добрый снег
Руками-ветками своими,
Чтоб, становясь голубыми,
Благословлять свой мир и век.
Им так хотелось красоты,
Ушедшей, буйной, веселящей.
Во сне им виделось все чаще,
Как покидали их листья.
...Пусть снег придет...

IV

Листвой забытые надолго,
Стояли яблоньки над Волгой.
Стояли тихо, без печали,
Они плоды свои отдали
До капли благодарным людям,
И им теперь совсем нетруден
Час ожиданья слишком долгий.

Стояли яблоньки над Волгой.
Не так прекрасны, как весной,
Но хороши красой иною —
И бескорыстною, и щедрой.
Их не страшили злые ветры,
Дождей знобящая унылость
И неба серая застылость.

V

Полураздетые деревья,
Как обнажение души.
Я осень потому приемлю,
Что суд благой она вершит.
И обнажает то, что скрыто.
Под спудом листьев, слов, забот.
И вспоминаешь, что забыто,
Не доверяешь тем, кто лжет,
И лицемерья не прощаешь,
И постигаешь доброту...

В том доме, невеликом, деревенском,
На стенах фотографии висят.
Здесь столько лиц, ребяческих
и женских,
Но больше всех, наверное, солдат.

Солдат гражданской, финской и Великой
Отечественной памятной войны.
Теснятся фото стайкой разноликой:
Отцы и деды, внуки и сыны.

В них — отблеск славы, той, что
не забылась,
В них — отзвуки истории самой,
...Но вот хозяйка юная явилась
И карточки сняла. Все до одной.

Оклеивая старенькие стены
Обоями в цветочках голубых,
Старалась, чтобы было современно,
Чтоб был так же, как и у других.

Без передышки падал дождь,
Деревья пригибая круто,
И торопившая минуты,
До нитки вымокшая, все ж
Шептала женщина:
«Придешь».

Тревога, острая, как нож,
Вонзалась в сердце больно, слепо,
И понимая: ждать нелепо,
Безумно, безрассудно, все ж
Шептала женщина:
«Придешь».

Устав, угомонился дождь,
Деревья распрямили плечи,
И только ей не стало легче
В предчувствии беды, но все ж
Шептала женщина:
«Придешь».

Судьба, ты горести не множь,
Пускай и в ведро и в несчастье,
Мольбам отчаянным подвластен,
Приходит, утверждая счастье
И отвергая зло и ложь,
Тот, кому женщина
«Придешь»
Шептала.

НА ТАНЦПЛОЩАДКЕ

Ничего не случилось.
Но я оглянулась в тревоге.
Ничего не случилось.
Но вдруг оборвался напев.
Сердце сжалось пребольно —
Увидела: парень безпогий
На танцующих смотрит,
Красивым лицом потемнев.

Разве я виновата,
Что танцую легко и беспечно
В освещенном и людном,
Веселом и бойком кругу?
Почему же смотрю я
В глаза — две потухшие свечи,
Танцевать пред которыми
Я не могу.
Не могу.

ВЫ БЫЛИ ТАКИМИ СЧАСТЛИВЫМИ

Вы были такими счастливыми
И всем по семнадцати лет.
С веселыми шумными ливнями
Весенний встречали рассвет.

Что ноги промочены — важно ли? —
Ведь пели всю ночь соловьи.
Мечталось и думалось каждому
Тогда о любви, о любви.

Вы были такими счастливыми
И так далеки от невзгод...
Но встретил свинцовыми ливнями
Вас сорок отчаянный год.

И Глеб, что всем девочкам нравился,
Был первым убит под Москвой.
Кудрявая нежная Раечка
Навеки осталась вдовой.

А добрый застенчивый Севушка
От ран в медсанбате затих,
Не встретит единственной девушки,
Не кончит единственный стих.

Наташку-принцессу каратели
В мороз обливали водой...
Да что там... Всего-то вас пятеро
С войны возвратилось домой.

...Вы были такими счастливыми
В далекие майские дни...
Но вот уж нейтронными ливнями
Сегодня стращают они.

Всей вашей беды не постигшие,
Едва не способны понять,
Что рядом с живыми погибшие
Поднимутся мир защищать.

Чтоб нечисть не лаяла черная
И жизнь не топила во мгле,
Встают из могил непокорные
Наташа, и Сева, и Глеб.

Встают, заслоня товарищей,
Детей их и внуков от бед...
...Горят над страной не пожарища —
Как знамя, восходит рассвет.

Весна продолжается ливнями,
Они не пророчат беду.
...Вы были такими счастливыми
В далеком-далеком году.

ЛЮБОВЬ И ВЕРА

Назвали девочку Любовью,
А ей в любви не повезло:
Лишь ослепило сердце болью,
Обидой горькой обожгло.

Но, меря жизнь суровой мерой,
И позабыть не в силах зла,
Она свою дочурку Верой
В надежде тайной назвала.

Все впереди еще у Веры,
Но одного хотела б мать,
Чтобы никто любви и веры
Не смог у дочери отнять.

«НЕИЗВЕСТНАЯ»

Красива, молода, богата,
Надменный, неприступный вид.
Так что ж в высокомерье взгляда
Боль безысходная сквозит?

Кто ж молодая дама эта
С великой тайною души?
Отторгнутая высшим светом?
Отравленная ядом лжи?
Или постигнутая колкой
И беспощадною молвой?
А может, эту незнакомку
Придумал попросту Крамской?

Постигнуть тайну — труд напрасный—
Была ль она? когда? и где?
Но, боже, как она прекрасна
В своем величье и беде.

Не виня, не прощая
И уже не любя,
Я одна уезжаю
От тебя. От себя.

Уезжаю поспешно,
Без прощаний и слез...
И ржавсет валежник
Под ногами берез.

И поземкою мчится
За вагоном февраль.
Ничего не случится,
Что случилось — не жаль...

Я сойду на конечной,
Спыхвачусь, не скорбя,
Что отныне навечно
Потеряла тебя.

Не ликуя нимало,
В первый раз не солгу:
От тебя — убежала.
От себя — не смогу.

ЖИЗНЬ

Выдавала Полина
Замуж младшую дочь.
«Свадьбу» голос Муслима
Выводил во всю мочь.

Гости шумные пели,
Заглушая певца,
И вино, и веселье —
Через край, до конца!

Звонкой радости сколько!
А умаявшись петь,
Молодых криком «горько!»
Заставляли краснеть.

И желали жить в мире
И в согласье весь век!
...А в соседней квартире
Умирал человек.

Люди в белых халатах
Шли, понурые, прочь,
Будто бы виноваты,
Что бессильны помочь.

И, уставшая плакать,
Каменела жена,
И скулила собака
Тихо возле окна.

...От парадного рядом
Отъезжали потом
В лентах белая «Лада»,
«Волга» с красным крестом.

Ты дан судьбой на что мне —
На радость иль беду?
Забудешь — не напомним,
А позовешь — приду.

Замерзнешь — отогрею
И поддержу в пути.
Прогонишь — я сумею
Без жалобы уйти.

Любить не пришеволю,
Ни в чем не обвиню.
И на другую долю
Я эту не сменю.

Он — холостяк. Она — вдова.
Любовь нежданная — награда.
Но не щадит и их молва,
Досужим людям много надо.

Остерегают от беды,
Приводят разные примеры.
И вроде все — из доброты,
И вроде все не лицемеры.

И судит-рядит их любой,
Слова секут большее плети.
...Не задохнулась бы любовь,
Увязнув в паутине сплетен.

А ссора вспыхнула нечаянно
(Был ты не прав? Я не права?)
О как бросали мы отчаянно
Друг другу горькие слова.
И ты, обидой огорошенный,
Не поднимал угрюмых глаз.
А я уж думала встревоженно:
«Ничто нас не спасет сейчас.
Ну и пускай, пускай, как хочет он!»
...Но закричал, проснувшись, сын,
И мы склонились озабоченно
С тобою тотчас же над ним.
Малыш протягивал ручки нам
И сам того не понимал,
Что нашу ссору перечеркивал.
...Как вовремя он закричал!

У тети Маши полон дом детей —
Чумазые вихрастые мальчишки,
Подвижные и озорные слишком,
Хлопот немало доставляют ей.

Издерганная вечной суетой,
Завидует соседке тетя Маша:
«Какая я — кладут в могилу краше.
Куда уж мне до крали до такой».

А у соседки затуманен взгляд,
Когда она, целовко и украдкой,
Со лба сдувая дымчатую прядку,
Ласкает тети Машиных ребят...

Виновата я пред мамою моей,
 что ежечасно и ежеминутно
 не вспоминаю, сколько ей мучений
 пришлось перетерпеть, чтоб майской
 ранью
 я криком возвестила о себе.

Виновна я пред мамою моей,
 что все свои и боли и невзгоды
 я ей несую, скрывать их не умея,
 морщинки множа на лице любимом,
 которое я помню молодым.

Виновна я пред мамою моей,
 что первое свое стихотворенье
 не ей я посвятила почему-то —
 тому, кто очень скоро позабылся,
 чье имя даже вспомнить не могу.

Виновна я пред мамою моей,
 что не прошу прощения, и все же,
 слезами и упреками не муча,
 она всегда за все меня прощает.
 А я себя сумею ли простить?

БЫЛО ТРИ МУЖА У БАБКИ НАСТАСЬИ

Было три мужа у бабки Настасьи:
Павел, Прокопий и дед Никодим.
Первый утоп. А второй в одночасье
Помер от сердца совсем молодым.

С третьим сошлась — уж под пенсию
Жили, как люди, без ссор и без драк...
Да перебрал Никодим... Проглядела.
Выцить-то старый был не дурак.

Было три мужа у бабки Настасьи,
Дети и внуки остались от них.
Но отчего-то ей помнится Вася.
Вася Наседкин — ни муж; ни жених.

Просто однажды, в февральскую стужу,
В город на розвальнях ехала с ним...
...Было у бабки Настасьи три мужа:
Павел, Прокопий да дед Никодим.

— Чай, придешь ко мне в гости;
Ирина, —

Приглашала старушка-соседка, —
Угощу самой спелой малиной,
Самой свеженькой, прямо с ветки.
Из подполья винца тебе выну,
Самодельного — ты не пивала,
Расскажу про внучат и про сына,
И про то, как когда-то бывало.
Ты не думай, я помню немало,
Может быть, для стиха пригодится.
Вон, как бабку свою расписала,
Чай, теперь перед всеми гордится.

Я пришла. Сладко пахла малина.
А вино из рябины горчило.
И старушка-соседка про сына
И про жизнь про свою говорила.
И, хмелея, протяжно запела,
А потом неожиданно стихла.
И сказала: «Такое вот дело...
Написала бы все-таки стих-то.
В жизни, видишь ты, всяко бывает...»
Помолчала. Добавила тише:
«Вдруг да сын невзначай прочитает,
Уж тогда, знамо дело, напишет...»

По клеверу бежала босиком,
Жгли росы ее ноги загорелые,
Была такую безрассудно-смелою,
Какой не будет никогда потом.

Твердил ее любимый невпопад:
«Ведь правда, правда, все
перенначится?!»
Она не раз безудержно расплачется,
Таким счастливым вспомнит
этот взгляд.

Как пахнул клевер! Стыла неба синь,
И были руки, нежные и властные,
И были слезы, и слова напрасные...
...Пытливо смотрят муж ее и сын.

Их разлучить? Оставить этот дом?
Какой же вдруг беды чуть не наделала.
...Нет, не она — та безрассудно-смелая,
Бежавшая по росам босиком.

На стене портрет в овальной раме:
Девушка с лучистыми глазами,
Удивленье в них и ожиданье,
Горя благодатное незнанье.
Щурится старик подслеповато,
Не отводит от портрета взгляда,
Выпрямляет сгорбленную спину —
Не старик.
Чуть пожилой мужчина.
Улыбаясь ласково и кротко,
Реденькую трогает бородку
И жене своей:
«Скажи на милость,
Вроде ты ничуть не изменилась,
Не поверить, что больше внуки...»
И целует сухонькие руки
Бабушке с седыми волосами,
С юными лучистыми глазами.

КРЫЛЬЯ

Ах, как жили Иван и Настя —
Два крыла всемогущей птицы,
Не боявшейся и в ненастье
Растеряться, пропасть, разбиться.

Ах, как жили Иван и Настя!
Ей завидовали соседки:
«Привало же бабе счастье,
Мужики-то такие редки,
Мир и лад, ни ссор, ни напастей,
Крепок дом и дети здоровы...»
Ах, как жили Иван и Настя!
До июня, двадцать второго.

...Было горестным их прощанье,
Слезы падали, свет им застыл.
И в заботах и в ожиданье
Потекли после дни для Насти.

И однажды дочь ее Катя
(Как душа у девчонки пела!)
Прибежала: «Письмо от бати!»
И конверт протянула белый.

«Смертью храбрых...»
Прыгали строчки.
«Смертью храбрых...»
В глазах чернело.
«Смертью храбрых...»
Рыдала дочка.
«Смертью храбрых...»
Обмякло тело.

...Уж очнулась она в больнице,
В ночь одну поседев до срока.

Обескрылела разом птица
Неожиданно и жестоко.

Жить, однако, надобно как-то...
Утешение и забота —
Сын Ванюша и дочка Катя,
До седьмого пота работа.

И в трудах больших, повседневных,
Дождались победного мая.
...Воротился с войны в деревню
Лишь один. Да и тот, хромая.

Так что бабам совсем не легче,
А еще тяжелее стало —
Вдовье бремя легло на плечи,
И они согнулись устало.

Разве будет война забыта?!
...Но сыны подрастали быстро,
Заменяли отцов убитых,
Комбайнеров и трактористов.

Поднялись и у Насти дети
Под спокойным и чистым небом.
Что прекраснее есть на свете
Солнца, мира, добра и хлеба.

Уже жизнь продолжают внуки
(Вот и бабушкой Настя стала),
Снова в вечных заботах руки,
Все опять начинать сначала.

Только в этом, наверно, и счастье.
Как же ей судьбой не гордиться...
Незаметно совсем для Насти
Обрела свои крылья птица.

КАЛЕНДАРЬ

ЯНВАРЬ

В туманной белой круговерти
Деревья скрылись и дома,
Снежинки в пляске, словно черти,
Свести пытались всех с ума.

И лапами зловещей смерти
Природу стиснула зима.
Но ей не верьте, ей не верьте,
Она запуталась сама.

Все застилала мраком белым
И в саван, что могла, одела,
Живое у живых беря.
Но неожиданно и смело
Зажглась на ветке индевелой,
Как пламя, грудка снегиря.

ФЕВРАЛЬ

Метут метели беспечно,
Но даже в холод самый злой
Пахнет, как будто бы случайно,
Такою близкою весной.

Крылами белыми печально
Взмахнув над белой землей,
Перечеркнет февраль фатально
Все, что накоплено зимой.

И перестанешь стуже верить,
Когда весна стоит у двери,
Улыбкой праздничной дразня.
И пусть беснуются метели,
Уже предчувствуешь капели,
Что надвигаются, звеня.

МАРТ

Март — первая ступенька в лето.
И хоть случается мороз,
Земля лучами обогрета,
И влажен лик ее от слез.

Но слезы — добрая примета,
Пусть и не в шутку, а всерьез.
Они ж от солнечного света,
Они ж — предтеча юных гроз.

Еще нет прелести цветенья
(Ведь редко кто красив в рожденьи) —
Присел поцуро серый снег.
Но от весеннего цветенья
Не может отыскать спасенья
Ни куст, ни зверь, ни человек.

АПРЕЛЬ

В апреле снег соседствует с травой,
Как и любовь соседствует с печалью,
Как с хмурой тучей — лучик озорной,
И как с любимым началом — окончанье.

Но снег уходит талою водой,
И грустное покажется случайным,
Когда растопит зайчик золотой —
Посланец солнца холод и молчанье.

Казаться песней станет крик грачиный,
Развеются все горечи-кручины,
Закружит буйных чувств водоворот.
И надоест степенным быть и чинным,
И радости вдруг станут беспричинны.
..Хотя потом и это все пройдет,

МАЙ

Лебединая песня весны —
Май рождает черемух кипенье,
Непонятные странные сны,
И любовь, и мечты, и волнение.

Мы тревог и сомнений полны,
И от этого нет нам спасенья.
Ведь не зря ж говорят, что должны
Люди маяться в пору цветенья.

Будем маяться! Будем мечтать!
Будем ветер весенний глотать!
Не уйдем от сомнений напрасных.
Будем утром с зарею вставать,
От бессонницы ночью не спать.
Вы согласны на это? — Согласны!

ИЮНЬ

Июньский лес душист и звонок
И всем гостям неожиданным рад,
И безмятежен, как ребенок,
И добр и щедр, как зрелый сад.

Июньский ветер, как бесенок,
Он пристаёт ко всем подряд.
Июньский луч горяч и тонок,
Багров и яростен закат.

Как громки звуки, ярки краски,
И дива чудные, как в сказке,
Являются и там и тут.
Полна природа щедрой ласки,
И без тревоги и опаски
Цветы цветут. Цветы цветут.

ИЮЛЬ

Знойно. Сухо. Ждет дождя природа,
Листья, травы — все поникло вдруг.
Видно, издевается погода,
Видно, превратился север в юг.

Непрерывно жарит с небосвода,
Обжигая, раскаленный круг.
Плохо и садам и огородам,
Плохо нам с тобою, милый друг.

Но однажды, словно ниоткуда
(Вот и верь, что не бывает чуда),
Добрый ветер тучи принесет.
Затрясется вмиг земля от гуда,
Жданная желанная остуда
Наконец-то наземь снизойдет.

АВГУСТ

Еще не осень, но короче дни.
Еще не осень, но прохладней ночи.
А листья потускневшие... Они
Дожди и грусть осеннюю пророчат.

Еще от солнца прячешься в тени,
И в холод еще верится не очень.
Но в душу, если хочешь, загляни:
Печаль длиннее, праздники короче.

И беззаботность место уступить
Торопится заботам. Может быть,
В том даже больше радости и счастья.
А осень на пороге. Одарить
Она готова — что и говорить —
Цветами, и плодами, и ненастьем.

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь — живописец. В палитре его
Каких только красок и нету.
Но желтую любит он больше всего —
В ней много от солнца и света.

Нежна акварель сентября. Одного
Понять он не хочет: не лето.
Дожди не оставят ему ничего
От желто-багрового цвета.

А он все рисует умелой рукой
То краской червонною, то золотой,
Ничем не изменит призывью.
Прощальной радует нас красотой,
Дарует в попутчики мир и покой
Нелегкой поре увяданья.

ОКТАБРЬ

Дожди. И зябко и тревожно,
Все больше хочется зимы.
Деревьям холодно до дрожи,
Кусты нахохленно-темны.

А солнца проблески ничтожны,
А ночи хмуры и длинные,
И кажется, что невозможно
Дождаться радостной весны.

Хоть чаще пасмурно, чем ясно,
Тоска по-своему прекрасна —
Ей дум сопутствует полет.
Ждать и надеяться — напрасно?
А может, в октябре ненастном
Вдруг чудо и произойдет?

НОЯБРЬ

Осень поздняя безотраднa.
На поблекшем лице земли
Обнажаются беспощадно
И ухабы, и колени.

Осень поздняя снегопаднa,
Вьюги только лишь ночь мели —
Уж сугробы стоят парадно
Там, где раньше цветы цвели.

Вся природа к зиме готова.
Только вдруг потеплеет снова,
И исчезнет снег без следа.
Но посмотрит зима сурово,
Ведь за ней последнее слово,
А она уж сказала: «Да!»

ДЕКАБРЬ

Снег — один сейчас повелитель,
Наконец-таки пробил час.
Вы хотите его, не хотите ль —
Он не спросит об этом вас.

Не такой уж временный житель,
Снег привычно ласкает глаз.
Он — обманщик и утешитель,
Не обходится без прикрас.

Вся земля без конца и края,
Но обманчива даль сквозная:
Никому теперь неведомек,
Где была лужайка цветная,
Где была капава пустая,
Где прозрачный тек ручеек.

СОДЕРЖАНИЕ

«Мы торошимся жить...»	3
Несня	4
«Старик восьмидесяти лет...»	5
Праздник в деревне	5
Ах, Настасья...	6
Последний снег	7
Бабушкины руки	7
Накануне тридцатилетия	8
Тайна красоты	8
«Вошла она, и сразу посветлело...»	9
«Сквозь дым, бегущий...»	10
«Вошел в квартиру, как чужой...»	11
«Я — дерево, возвращенное тобой...»	12
«У той старушки мужа нет и сына...»	12
Торговка	13
«Ты скажешь, что писем тебе не писала...»	13
«Пруд, зачем ты зарыбился...»	14
«Я по радуге-мосту...»	14
«Мы увидимся пынче случайно...»	15
«Мне снятся нерожденные стихи...»	15
«Ты не глядишь на мой дом...»	16
Гости	17
Фигуристка	18
«Наши встречи, словно снег в апреле...»	18
Из неотправленного письма	19
«Захлестнуло петлей отчаянья...»	20
«Я, наверно, тревоги не скрою...»	20
«Ты уйдешь от меня навсегда...»	21
«Я все равно вернусь...»	22
Не туши : : : :	23
«Когда-нибудь...»	23
«Снесли дом...» : : :	24
На могиле А. П. Керн	24
«И снова песня...»	25
Актриса эпизода : : :	25
«Чужая женщина смотрела...»	26
Солнце в декабре	26
«И в тридцать так же...»	27
Наталья Николаевна : : : :	28
«Сына мать родила...»	29
Осенние этюды : : : :	30
«В том доме, невеликом, деревенском...»	33
«Без передышки падал дождь...»	34

На танцплощадке ? ? ? ?	35
Вы были такими счастливыми :	36
Любовь и Вера	37
«Неизвестная» : ?	38
«Не вина, не прощая...»	39
Жизнь ? : ? ?	40
«Ты дан судьбой на что мне...»	41
«Он — холостяк. Она — вдова...»	41
«А ссора вспыхнула нечаянно...»	42
«У тети Машин полон дом детей...»	42
Маме : : ? : ?	43
Было три мужа у бабки Настасьи	44
«— Чай, придешь ко мне в гости...»	45
«По клеверу бежала босиком...»	46
«На стене портрет...»	47
Крылья : : : : ?	48
Календарь ? : : : ?	50
Январь : . : :	50
Февраль : : : :	51
Март : : : :	52
Апрель : : : :	53
Май : : : :	54
Июнь : : : :	55
Июль : : : :	56
Август	57
Сентябрь : :	58
Октябрь	59
Ноябрь : : : :	60
Декабрь	61

Ирина Евгеньевна Барина

ТАИНА КРАСОТЫ

Редактор В. А. Лебедев
Художественный редактор Н. Н. Миротюбов
Технический редактор В. М. Панфилова
Корректор В. И. Шилова

ИБ № 783

Сдано в набор 5.05.85. Подписано в печать 7.08.85. АК00797.
Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. кр-отт. 2,74. Усл. п. л. 2,34.
Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 3000. Заказ 243. Цена 20 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150000, г. Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Типография № 2 Росглаволиграфпрома, 152901, г. Андропов, ул. Чкалова, 8.